

УДК 82.09.091

**ПОРТРЕТЫ ПРОФЕССОРОВ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА XIX ВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ СТУДЕНЧЕСКИХ МНЕНИЙ**

М.М. Сидорова

Аннотация

«Студенческий» материал – автобиографическая проза бывших студентов Казанского университета, их воспоминания, песни, стихотворения, книжные автографы – рассматривается в статье как источник сведений о персоналиях профессоров русской литературы Казанского университета. Данный материал дополняет имеющиеся сведения по истории российского университетского образования и истории отечественного литературоведения XIX в.

Ключевые слова: Казанский университет, литературоведение, история науки.

В вопросах об источниках истории российского вузовского образования особое место принадлежит «студенческому» материалу – автобиографической прозе бывших студентов, их воспоминаниям, песням, стихотворениям, книжным автографам. Такого рода документы помогают не только представить атмосферу учебного заведения в ту или иную эпоху, но и воссоздать портреты профессоров и преподавателей: охарактеризовать уровень их научных изысканий, оценить педагогические установки и принципы, зафиксировать личностные качества. Обращение к истории университетов показывает, что роль таких документов чрезвычайно важна в формировании репутации служителей науки и образования как для своего времени, так и для будущего. Более того, их необходимо рассматривать как важный источник сведений о развитии самой науки.

Особое значение этот материал приобретает в такой отрасли вузовского и научного знания, как литературоведение. Во-первых, усилиями профессоров словесности обеспечивается весомая, если не подавляющая, доля литературоведческих исследований, что важно для понимания процесса развития литературоведения, как науки в целом; во-вторых, интерпретация историко-литературного знания преподавателями-словесниками формирует восприятие литературы у каждого нового поколения и тем самым влияет на его становление; в-третьих, часто именно профессора словесности представляют в глазах общественности общий уровень развития гуманитарного знания; и наконец, в силу особой общественной значимости самого предмета изучения – литературы, затрагивающей нравственные, этические, идеологические проблемы, преподаватели словесности часто ассоциативно воспринимаются как носители нравственных качеств.

Вот почему обращение к «студенческому» материалу как источнику сведений о персоналиях профессоров русской литературы Казанского университета, истории российского университетского образования и истории русского литературоведения XIX в. представляется весьма интересным. Впрочем, выбор источников позволяет выявить ещё один аспект исследования – уровень общего развития, интеллектуальных притязаний, а иногда и политических взглядов русского студенчества XIX в.

Обращение к таким документам вызывает естественный вопрос о степени их объективности. Здесь необходимо учитывать такие факторы, как профессиональный и социальный статус пишущего воспоминания, мотив обращения к ним, временной отрезок, отделяющий момент написания воспоминаний и время студенчества, наконец, частотность совпадения мнений или их противоречивость и др.

Объектом данного исследования является корпус материалов, связанных с историей Казанского университета – одного из старейших в России – третьего в стране по дате своего рождения и первого провинциального российского университета. Его возникновение пришлось на начало XIX в., когда император Александр I в 1804 г. подписал указ о его основании.

Фактор провинциальности, безусловно, наложил отпечаток на формы существования университета, особенно в первые десятилетия его жизни, и самым серьёзным образом сказался на формировании кадровой политики. Попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский, математик и астроном, обеспечил достаточно сильный подбор профессорско-преподавательского состава (главным образом из профессоров-немцев) по естественнонаучным дисциплинам, ориенталистике (это направление изначально будет определено как ведущее в силу геополитического положения Казанского университета), но мало способствовал развитию преподавания гуманитарных дисциплин, а особенно словесности. Поэтому два года кафедра пустовала, а потом достаточно продолжительное время занималась личностями, мало подготовленными к профессорскому званию.

Подобная ситуация была и в других российских университетах. Существенным образом она была связана с общим состоянием литературоведческой науки в России, которая к началу XIX в. главными вопросами в изучении словесности считала вопрос о поэтических родах и видах, о происхождении и назначении поэзии, культивировала анализ литературных произведений с точки зрения незыблемых эстетических канонов, предполагала её изучение в аспекте единственно возможных «риторического» и «эстетического» разбора. Литературоведение в то время носило ярко выраженный синкретичный характер и было направлено главным образом на изучение языковой специфики текста.

Большое значение имели в преподавании гуманитарных дисциплин, в том числе литературоведения, идеологическая и политическая составляющие. Распоряжения и установки Министерства просвещения и образования, которые, в свою очередь, соотносились с внешней и внутренней политикой государства, как правило, служили ориентиром в подготовке учебных программ и требовали неукоснительного исполнения.

Все эти факторы объективно влияли на процесс преподавания русской словесности в российских университетах. И всё же колоссальное значение имела в этом процессе роль личности самого профессора. Именно как личность воспри-

нимался преподаватель студенческим сообществом. Его литературные пристрастия, педагогические принципы, личное отношение к студентам и делу, которому он служил, были предметом пристального внимания студенчества.

В этой связи важно представить отдельных представителей студенческого сообщества Казанского университета XIX в., к воспоминаниям которых мы апеллируем. В основе своей это те выпускники университета, которые не были лишены литературного дарования, чьи воспоминания в силу принадлежности их к писательскому или учёному сословию имели право на публикацию. Это известный русский писатель С.Т. Аксаков, поэт-идиллик В.И. Панаев, автор знаменитого романа-дилогии «В лесах» и «В горах» П.И. Мельников-Печерский, профессор истории Казанского университета Д.А. Корсаков, крупнейший русский учёный – историк литературы А.Н. Пыпин, педагог А.И. Овсянников, журналист И.И. Михайлов и др., чьи воспоминания были опубликованы на страницах российских журналов («Русская старина», «Вестник Европы», «Исторический вестник») и литературных сборников.

Именно по их мнениям мы реконструируем облик профессора словесности Казанского университета XIX в., а вернее, лишь достраиваем его, поскольку основообразующими факторами для создания портрета преподавателя всё же являются объективные факты (содержание лекционных курсов, научные публикации, общественная работа и т. п.).

Далеко не обо всех профессорах-литературоведах сохранились воспоминания, да и профессорско-преподавательский состав кафедры красноречия стихотворства и языка русского, которая в 1837 г. была переименована в кафедру русской словесности и истории русской литературы, был не столь уж велик: проф. Г.Н. Городчанинов, проф. В.М. Перевошиков, адъюнкт М.В. Скворцов, адъюнкт М.С. Рыбушкин, адъюнкт В.А. Сбоев, проф. Г.С. Суровцев, проф. К.К. Фойгт, проф. Н.Н. Булич, проф. А.С. Архангельский. Почти на протяжении всего XIX в. кафедра состояла из одного профессора и его помощника. Симптоматично, что некоторые из них своей репутацией в истории университета обязаны именно студентам.

В особой степени это касается первого профессора русской словесности в Казанском университете Григория Николаевича Городчанинова (1772–1852), «казанского стихотворца», дважды издавшего в Казани сборник своих сочинений – «Сочинения в стихах и прозе» (1816, переизд. 1831), автора многочисленных публикаций и редактора в разное время почти всех казанских периодических изданий: «Казанские известия», «Казанский вестник», «Учёные записки Казанского университета»). Г.Н. Городчанинов был членом Казанского общества любителей отечественной словесности, поддерживал дружеские отношения и находился в переписке с Г.Р. Державиным, А.С. Шишковым, В.Г. Анастасевичем, писателем графом Д.И. Хвостовым, митрополитом Евгением [1]. Выпускник Московского университета, он приехал в Казань в 1806 г., в 1810 г. стал экстраординарным, а в 1814 г. – ординарным профессором Казанского университета, неоднократно избирался деканом словесного и нравственно-политического факультетов (отделений), дважды на непродолжительный срок – проректором и почти четверть века стоял во главе кафедры красноречия, стихотворства и языка русского.

Однако с лёгкой руки одного из первых своих учеников – С.Т. Аксакова, Г.Н. Городчанинов вошёл в историю университета как человек «отсталый» и «бездарный», ставший предметом насмешек даже для своих первых, мало подготовленных слушателей. Аксаков описал в своих «Воспоминаниях» эпизод знакомства только что ставших студентами гимназистов с Городчаниновым в 1806 г.: «На первой лекции адъюнкт-профессор Г-в [Городчанинов – М.С.] сказал нам пошлое, надутое приветствие и, для лучшего ознакомления со студентами, предложил нам, чтобы всякий из нас сказал, какого русского писателя он предпочитает другим <...>. Многие называли Карамзина, но Городчанинов морщился и изъявлял сожаление, что университетское юношество заражено этим опасным писателем» (Акс., с. 367). Полное же одобрение вызвали у него те студенты, которые, по большей части из шалости, восторгались А.П. Сумароковым и М.В. Ломоносовым (Акс., с. 367–369).

Эта репутация Г.Н. Городчанинова как человека отсталого прочно закрепилась за ним в истории Казанского университета. Конечно, в немалой степени этому способствовал авторитет автора воспоминаний – известного русского писателя, но в ещё большей степени реальная неспособность первого в Казани профессора словесности подняться на протяжении всей своей почти двадцатипятилетней преподавательской деятельности над близкой к схоластике методикой изучения литературы и отказаться от авторитета классицистов как в преподавании отечественной словесности, так и в своей художественной практике.

С точностью до наоборот репутация человека, горячо любившего литературу, остроумного и вообще даровитого (Акс., с. 274), усилиями С.Т. Аксакова и вторящего ему сокурсника В.И. Панаева сопровождала Николая Мисаиловича Ибрагимова (1778–1818). Он проработал в университете лишь один учебный год, 1817–1818 (это был последний год его жизни), но с первых дней основания университета был очень тесно связан с ним разнообразными связями, в первую очередь, как инициатор первого в Казани литературного общества – «Общества любителей отечественной словесности».

С.Т. Аксаков и В.И. Панаев, гимназическим учителем которых был Н.М. Ибрагимов, считали себя обязанными ему в развитии их литературного дарования. «Память его драгоценна для меня, – писал Аксаков в «Воспоминаниях». – Он первый ободрил меня и, так сказать, толкнул на настоящую дорогу» (Акс., с. 275).

Практически вторил писателю В.И. Панаев. «Он имел необыкновенную способность заставить полюбить себя и свои лекции, – вспоминал поэт, – сам писал, особенно стихами, прекрасно и обладал тонким вкусом; так умел показать нам погрешности в наших сочинениях, что смыслённый ученик не делал в другой раз ошибки, им замеченной... Почитаю себя многим ему обязанным» (Пан., с. 217).

С.Т. Аксаков вспоминал также, что ученики на гимназическом экзамене у Н.М. Ибрагимова читали свои сочинения, говорили о старой и новой литературе (Акс., с. 277). Безусловно, это факт беспрецедентный для учебных заведений той поры, ведь речь шла о только что начавшейся полемике «шишковистов» и «карамзинистов», полемике, определившей на много лет пути развития отечественной литературы. Ибрагимов формировал литературный вкус своих учеников, способствовал страстному увлечению русской литературой, поощрял попытки самостоятельного творчества. И всё это нашло отражение в юношеских

воспоминаниях о нём. Таким образом, понимание современного литературного процесса, талантливое преподавание были основными критериями для оценки преподавателя литературы в первые два десятилетия XIX в.

В 20–40-е годы XIX в. большое значение для формирования профессорской корпорации литературоведов в Казанском университете имели события, связанные с его историей. В 1819 г. в Казанский университет с ревизией приехал Михаил Леонтьевич Магницкий, ставший впоследствии символом поворота политики Александра I в сторону реакции. Результатом проверки стал известный приговор «закрыть университет». И только решением императора Александра I университет в Казани был сохранён. Исправить положение в нём было поручено бывшему ревизору.

В своём стремлении сделать Казанский университет «наихристианнейшим», соединив «религию и ведение», М.Л. Магницкий серьёзно вмешался в ход преподавания гуманитарных дисциплин. Весьма существенными оказались нововведения на отделении словесных наук. Из преподавания было исключено устное народное творчество как проявление языческого мировоззрения. Программы по словесности были сориентированы на чтение книг духовного содержания и так называемых образцовых русских писателей, составлены списки произведений, «искажающих вкус», куда были помещены все современные писатели. Существенным образом изменился и кадровый состав преподавателей словесности. На кафедру пришли выпускники духовных семинарий, по сути, священники: М.В. Скворцов, А.Ф. Хламов, Г.С. Суровцев. Если М.В. Скворцов и А.Ф. Хламов прослужили в университете непродолжительное время, то Г.С. Суровцев профессорствовал 18 лет. Студенческие воспоминания очень интересно воспроизводят облик Григория Степановича Суровцева – фигуры неоднозначной, даже в чём-то противоречивой.

Выпускник духовной семинарии Г.С. Суровцев, не имея учёной степени и научных трудов, в обход установленного законом избирательного права в июне 1822 г. был утверждён экстраординарным профессором по кафедре российской словесности благодаря рекомендации М.Л. Магницкого, которому был известен по христианскому образу мыслей и отличному знанию славянского, русского и обоих классических языков.

Студенческие воспоминания о «чтениях» Г.С. Суровцева противоречивы. Н.И. Мамаев писал, что Г.С. Суровцев заставлял студентов переводить целые страницы из истории, отрабатывая слог (Мам., с. 67), а будущий писатель П.И. Мельников-Печерский считал его занятия очень полезными для тех, кто хотел учиться. Он отмечал, что Суровцев хорошо знал народный язык и произведения устного народного творчества, и уважал профессора за то, что тот высоко ценил А.С. Пушкина и читал студентам отрывки из его произведений, хотя считал, что время для его изучения ещё не наступило (М.-П., с. 57).

Именно Г.С. Суровцев принёс в Казанский университет весть о кончине поэта. И об этом знаем только благодаря студенческим записям. П.И. Мельников-Печерский писал в своих воспоминаниях о том, как «...Григорий Степанович взойшёл на кафедру и, не садясь, вынул из кармана газетный листок, помнится «Русского инвалида», поднял его кверху и, окинув быстрым взглядом аудиторию, громко сказал: «Встаньте!» Мы встали, с изумлением глядя

на профессора. Дрожащим от волнения голосом, в котором слышались горькие, задушевные слёзы, он прочёл известие – всего несколько строк. Живо помню первые слова его: «Солнце нашей поэзии закатилось – нет более Пушкина!» Аудитория ахнула в один голос, послышались рыдания... Сам профессор сел и, склонив на кафедру седую, как серебро, голову, горько заплакал... Прошло несколько минут, он встал и сказал: «Князь русских поэтов во гробе. Его тело везут из Петербурга куда-то далеко. Быть может, оно ещё не предано земле. При незакрытом ещё гробе Пушкина как сметь говорить о русской словесности! Лекции не будет – пойдёмте молиться» (цит. по [2, с. 56]). Г.С. Суровцев сумел понять и оценить мастерство А.С. Пушкина и даже знакомил студентов с его творчеством, однако не изучал и не преподавал как профессор словесности. Это не исключительная для Казанского университета ситуация: изучение современной литературы не предусматривалось вузовскими программами.

С именем П.И. Мельникова-Печерского связано существование ещё одного документа, проливающего свет на отношение к Г.С. Суровцеву. Это дарственная надпись на книге, подаренной Казанскому университету. Посетив почти через 40 лет после окончания университет в Казани, П.И. Мельников-Печерский подарил свой только что вышедший роман «В лесах» университетской библиотеке с трогательной надписью: «Казанскому университету, где из уст незабвенного Григория Степановича Суровцева впервые познал мощь и силу родной русской речи – навсегда благодарный за первейшее благо в мире – образование, воспитание» [3, с. 165].

Следует обратить внимание на то, что акценты в оценке деятельности Суровцева смещены в сторону преподавания последним русского языка. С одной стороны, в этом проявилось личное преподавательское кредо профессора Г.С. Суровцева, который всячески ратовал за сохранение чистоты родного языка и учил студентов понимать его красоту в художественных текстах, с другой стороны, это свидетельствует об отсутствии в литературоведческом знании понимания развития литературы как процесса. И если в Московском и Петербургском университете уже приблизились к этому пониманию (С.П. Шевырёв, А.В. Никитенко), то в Казани традиционные, идущие ещё от М.Л. Магницкого установки на изучение «классической», «образцовой» литературы проявлялись во всей их полноте.

В 40-е годы XIX в. историю русской литературы, как, впрочем, и всеобщей, читал Карл Карлович Фойгт (1808–1873). Ориенталист по образованию, полученному в Казанском университете, он возглавил кафедру литературы после ухода в отставку Г.С. Суровцева [4].

П.И. Мельников-Печерский с восторгом вспоминал о лекциях К.К. Фойгта: «...весь древний классический мир представал перед нами» (М.-П., с. 60). А другой воспитанник Казанского университета – И.И. Михайлов называл их «слишком сухими и монотонными», оправдывая профессора тем, что в силу наличия у последнего огромного количества должностей, он не имел времени их улучшать (Мих., с. 414).

Наибольший интерес в аспекте нашей темы представляет оценка К.К. Фойгта одним из будущих крупнейших историков русской литературы академиком А.Н. Пыпиным. Он учился в Казанском университете в 1851 г. и слушал лекции

К.К. Фойгта. В своих воспоминаниях «Мои заметки», набросанных уже в конце жизни, он писал: «...Его курс всеобщей литературы... без сомнения, привёл бы в ужас современных профессоров этого предмета; но, по моему мнению, это был курс, составленный очень целесообразно. Сколько помню, он состоял в следующем: на первом курсе читалось обозрение литературы Востока, на втором – литературы классические, на третьем – средние века, на четвёртом – литература новейшая и русская... но если принять в соображение, что слушать профессора приходили вчерашние гимназисты, не имевшие понятия ни о каких литературах, подобный курс был несомненно полезен; мне думается, что он мог бы быть полезен даже и в настоящую минуту – не как специальный курс, но как общеобразовательный... Этой потребности и удовлетворяли лекции Фохта. Это был человек умный и образованный... он читал живо, свободно, и его лекции были любимы и оставляли впечатление, возбуждая любознательность» (Пып., с. 33–34).

Воспоминания А.Н. Пыпина – свидетельство существенных перемен в подходах к изучению литературного процесса. В сфере внимания студентов – ум, образованность профессора, свобода и лёгкость в изложении материала, должностные обязательства, то есть всё то, что касается сугубо профессиональных качеств. Ситуация изменится в 50–60-е гг. XIX в., когда одним из важных критериев оценки профессора студентами станет его идеологическая, социальная позиция.

Наиболее богато в этом смысле представлена в студенческих материалах личность профессора русской словесности Николая Никитича Булича (1824–1895). Это вызвано рядом причин: во-первых, он возглавлял кафедру русской литературы более 30 лет (1851–1884), то есть в то самое время, когда происходили серьёзные изменения и в системе вузовского образования, и в самой литературоведческой науке, менялось отношение общества к университетам. Во-вторых, Н.Н. Булич был личностью весьма значимой для университета. Он неоднократно избирался деканом факультета, проректором, а 1882–1884 гг. был ректором университета. В-третьих, Н.Н. Булич был прекрасным лектором, и восторженные воспоминания о лекциях оставило несколько поколений казанских студентов. Наконец, Н.Н. Булич работал в университете в то время, когда студенты могли выразить своё отношение к преподавателю не только в написанных десятилетия спустя воспоминаниях, но и в бытность студентами, и более того, выразить его самому профессору, подчас подчёркнуто открыто. Именно воспоминания о Н.Н. Буличе определяют новый фокус пристального внимания студентов – либерализм, социальная позиция, политичность и даже революционность.

Н.Н. Булич был выпускником философского факультета Казанского университета (1847). После назначения К.К. Фойгта ректором университета в Харькове в 1850 г. Н.Н. Буличу было предложено возглавить кафедру с условием защиты новой магистерской работы¹ – уже по истории русской литературы. Так, в 1854 г. Н.Н. Буlichem была защищена диссертация «Сумароков и современная ему критика», высоко оценённая специалистами.

---

¹ В 1849 г. Н.Н. Булич защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию по философии.

Н.Н. Булич стал одним из самых популярных преподавателей в университете. На его лекции по русской литературе в переполненные аудитории собирались студенты разных факультетов. «Студенты восхищались его либеральными лекциями», – напишет Д.А. Корсаков – ученик, а впоследствии профессор истории Казанского университета. Он оставил самые полные воспоминания о своём учителе: «Николай Никитич Булич, в 1856 г. тридцатилетний экстраординарный профессор по кафедре русской словесности, привлекал к себе, прежде всего, своей внешностью, необыкновенно изящной и щеголеватой. В то время это был высокого роста брюнет, с вьющимися, но тщательно причёсанными волосами, всегда безукоризненно одетый, с ровной походкой и мягкими, любезными манерами в обращении; с плавной, размеренной и тихой, но вместе с тем едкой и насмешливой речью; с задумчивым, сосредоточенным и нередко ироническим выражением лица <...>. Успех его университетских чтений ставил в моих глазах Н.Н. Булича на недостижимый для меня научный пьедестал. На него смотрел я, как на представителя строгой, западноевропейской науки, каковым он и был в действительности. Его лекции по истории русской литературы... очень нравились мне <...>. Эти... лекции оказали большое влияние на мои последующие занятия» (Корс., с. 323–324). Д.А. Корсаков пишет, что по городу даже распространялись в то время стихи, в которых между прочими находилась следующая строфа: *Говорят, что наш печальный, / Наш озёрный, мрачный край, – / Освещает либеральный / Только Булич Николай!..* (Корс., с. 309).

Об этом писал и другой бывший студент – А.А. Бирюков, правда, с налётом некой иронии, которая объясняется его позиционированием как активного участника общественно-политического движения, за что, вероятно, он и был исключён из университета, а позже отдан под надзор полиции. А.А. Бирюков вспоминал: «...Больше всего собиралось студентов на лекциях Булича; седьмая аудитория всегда была набита битком, и среди безмолвной тишины раздавался мелодичный голос Булича, который, упиваясь и этим вниманием и собственным голосом, к концу лекции доводил свой либерализм до *crescendo*, чтобы заслужить аплодисменты довольной аудитории; и редко в течение целого года не выходил из аудитории без этой награды» (Бир., с. 874).

Студенческие аплодисменты, которыми закончилась одна из лекций профессора, стали началом неприятной истории, которая вошла в анналы Казанского университета как «Дело Булича». В начале 60-х годов XIX в. выражение публичной реакции на какие-либо события в университете было во избежание беспорядков запрещено. За нарушение установленных правил администрация исключила из университета 9 человек, а сам профессор был освобождён от должности. Да и студенты не простили профессору – своему любимцу – того, что он не защитил их и на следствии утверждал, что никакого повода для аплодисментов не давал. С присущим юношеству максимализмом они обвинили своего учителя в предательстве. Так появилось и распространилось по городу несколько анонимных песен, в которых клеймился позором профессор Н.Н. Булич.

Одна из них называлась «Письмо одного университетского сторожа, для удобства написанное стихами» и была стилизацией под народную речь: *Как в гнезде поганых сил, / В тёмном городе Казани / Комитет из разной дряни / Студентов казнил. <...> // А разумная причина, / Что случилась та кручина, /*

Вот така была: // К нам недавно воротился / Из-за моря, где учился, / Булич Миколай. // Человек хоша не старьй, / Да речьми уж больно ярьй, / Экий краснойбай! <...> // А студентики и рады / И давай, взамен награды, / Во ладоши бить [5, с. 844].

Заканчивается песня повествованием о том, как помощник попечителя Казанского учебного округа Ф.Ф. Веселаго по собственному произволу отправляет студентов в ссылку.

Обвинение в предательстве Н.Н. Булича ещё более усугубилось, когда в 1861 г. Н.Н. Булич не поддержал оппозиционных настроений казанского студенчества в связи с событиями в селе Бездна Казанской губернии, где произошла расправа с крестьянами. Так появилась студенческая песня «Буличу», в которой содержались следующие строки: *Что ты сделал для науки? / Что – для родины святой? / Чу, цепей несутся звуки / То грозят, тряся их, руки / Нашей матери родной! // Не она-ль тебе вручила / Свежих юношей своих, / Чтоб речей правдивых сила / Дух могучий пробудила / Для борьбы грядущей в них? [5, с. 853].*

«Студенчество увидело в своём вожде изменника, предателя и повергло его жесточайшему бичеванию сатиры», как писалось в статье 1930 г. (цит. по [5, с. 855]). Отсюда становятся понятны такие жестокие эпитеты, как «двуязычный краснойбай», «двуличный Иуда», и тяжёлые обвинения в беспринципности, в честолюбии, а главное – в измене студенчеству. Эти настроения нашли отражение и в других песнях – «Утешение друга» и «Юным друзьям». Цитату из второго произведения мы приводим: *Вот пример прекрасный: / Булич Николай! / Как он любит страстно / Свой родимый край! // А где нудно – струсит, / Пыл душой уймёт, / Подлостью закусит / И назад пойдёт. // Буря перестала / Там со всех сторон, / Снова в либерала / Обернётся он... [5, с. 855].*

Увольнение из университета заставило Н.Н. Булича покинуть Казань и уехать в Петербург, где он провёл 1861–1862 гг. Однако Учёный совет Казанского университета неустанно хлопотал о возвращении профессора в Казань, и Н.Н. Булич уступил. В 1862 г. он продолжил чтение лекций в родном университете, которые будет читать до 1884 г., до выхода в отставку с должности ректора университета.

Это были лекции по истории не только русской, но и зарубежной литературы, истории философии, из которых, по словам бывшего студента А.Н. Овсянникова, Н.Н. Булич сделал «интереснейший предмет», что «на лекции Булича ходили буквально все, даже и те, которым было необязательно» (Овс., с. 686). Он же вспоминал: «Уже прошло более 30-ти лет с тех пор, но я убеждён, что в памяти слушателей курса Булича крепко врезались высоко-талантливые чтения, державшие аудиторию всегда в напряжённом внимании. Булич стоял вполне на высоте своей задачи, отлично владел всеми новыми языками, получал все научные и литературные последние новости из-за границы, он в полуазиатском городе, отброшенном от столиц на тысячевёрстном расстоянии, в гнезде поволжского крепостничества, умел вполне быть европейцем и учёным, в обширном значении этого слова...» (Овс., с. 686–687).

А либерализм Н.Н. Булича, в ложности или отсутствии которого упрекали Булича студенты, до конца дней ставился ему в упрёк властями: в 1849 г. не была

опубликована его магистерская диссертация по философии Гегеля, находившегося в опале; докторская диссертация, посвящённая А.П. Сумарокову и сатирическим журналам его времени, была на треть вырезана цензурой; за речь над гробом великого русского математика и ректора Казанского университета Н.И. Лобачевского Булич был обвинён в атеизме. В 1861 г. Н.Н. Буличу было отказано в месте профессора в Петербургском университете по причине его неблагонадёжности. И даже на закате его службы в Казанском университете о нём, тогда ректоре университета, попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков скажет: «Потерял я надежду на то, что с годами и положением человек может измениться... с Буличем этого не случилось. Я думал, что года и почётное положение ректора его переменят, нет, он остался прежним, что выразилось и 29 октября, когда, получив от меня предложение пойти и объявить студентам, что если они не разойдутся, то принуждены будут прибегнуть против них к силе, и чтобы он отнюдь не входил в рассуждение с ними, он целый час рассуждал на сходке: выслушал и принял петицию студентов... и дал им слово, что, пока он будет ректором, он будет смотреть сквозь пальцы» (цит. по [6, с. 117]). Речь шла о требованиях студентов по организации собраний депутатов по банку и студенческой библиотеке, чему и содействовал Н.Н. Булич, несмотря на уведомление министра о недозволении студенческих сходок и собраний.

Таким образом, «студенческий» материал позволяет увидеть, как с течением времени меняются критерии оценки учителей учениками, как в сферу образования вторгаются, казалось бы, далёкие от профессионального обучения категории «либерализм», «революционность», с каким юношеским максимализмом и нетерпимостью подвергаются критике прежде любимые учителя. И это уже страница истории нашего отечества.

Несмотря на высокую степень субъективности такого документа, как студенческие воспоминания, мы сделали попытку показать, что изучение этого материала является чрезвычайно важным в реконструкции облика русского профессора, в выявлении разнообразных аспектов истории российского образования и литературоведческой науки XIX в.

Этот материал имел большое значение в процессе подготовки биобиблиографического словаря «Русское литературоведение в Казанском университете» [7].

Summary

M.M. Sidorova. The Portraits of Professors of Russian Literature in the Kazan University during the 19th Century in the Mirror of Students' Opinions.

The materials of students – autobiographical prose of ex-students from the Kazan University, as well as their memoirs, songs, poems, and bookish autographs – are considered in this paper as a source of information about the professors of Russian literature in the Kazan University, which adds to the understanding of the history of Russian university education and Russian literary studies in the 19th century.

Keywords: Kazan University, literary studies, history of science.

Источники

- Акс. – *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: Тип. Л. Степановой, 1856. – 570 с.
- Пан. – *Панаев В.И.* Воспоминания // Вестн. Европы. – 1867. – Т. 4, отд. 1. – С. 193–217.
- Мам. – *Мамаев Н.И.* Записки Н.И. Мамаева // Ист. вестн. – 1901. – Апр. – Т. 84. – С. 46–83.
- М.-П. – *Мельников-Печерский П.И.* Полное собрание сочинений. – М.; СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1897. – Т. 1. – 324 с.
- Мих. – *Михайлов И.И.* Казанская старина (Из воспоминаний И.И. Михайлова) // Рус. старина. – 1899. – Ноябрь. – Кн. 100. – С. 399–419.
- Пып. – *Пыпин А.Н.* Мои заметки. – М.: Изд. Л.Э. Бухгейм, 1910. – 312 с.
- Корс. – *Корсаков Д.А.* Былое из казанской жизни 1856–1860 гг. Воспоминания о прошлом // Лит. сб.. – Казань: Изд. «Волжского Вестника», 1898. – С. 259–355.
- Бир. – *Бирюков А.А.* Университет и студенты в начале 60-х годов // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1930. – Т. 90, кн. 5. – С. 861–878.
- Овс. – *Овсянников А.Н.* Из воспоминаний старого педагога // Рус. старина. – 1899. – № 6. – С. 671–693.

Литература

1. *Сидорова М.М.* «Видно, в Казани Вы единственный стихотворец»: профессор Казанского университета Г.Н. Городчанинов по письмам к нему Евгения Болховитинова» // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – Т. 156, кн. 2. – С. 27–35.
2. *Юсупов Н.* Памяти Андрея Печерского // Заволжская вивлиофика. – Казань, 1887. – С. 36–59.
3. *Аристов В.В.* Страницы славной истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 224 с.
4. *Сидорова М.М.* О русизме Державина: Речь профессора Казанского университета К.К. Фойгта при открытии памятника Г.Р. Державину 23 апреля 1847 г. // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С. 238–241.
5. *Васильев М.А.* Песни Казанского студенчества (1850–60-х гг.) // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1830. – Т. 90, кн. 5. – С. 839–860.
6. *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет (1804/5–1829/30): в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. – Т. 2. – 385 с.
7. Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиограф. словарь. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – 230 с.

Поступила в редакцию
05.02.15

Сидорова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: msidorovam@mail.ru